

Повернувшись к говорившему, Лёня замер. Незнакомый парень, ровесник Андрея, на короточках сидел на козырьке выхода на крышу. На нем были только распахнутая желтая жилетка с черным меховым воротником и кожаные штаны. Ни обуви, ни футболки. Смуглая кожа маслянисто блестела, подчеркивая рельефные мышцы, коротко стриженные волосы торчали колючим ежиком, а в восточных чертах лица неуловимо проскальзывало что-то звериное. Но больше всего Лёню заворожили глаза: желтые радужки словно светились изнутри, намекая на сверхъестественную суть незнакомца.

Мечтатель. Настоящий, живой, в покрове – кажется, так они называют свои странные пестрые шмотки. Или не шмотки, а все сразу: горящие глаза и костюмы в духе анимешных персонажей, нечеловеческие силу, выносливость и ловкость, неуязвимость и сверхспособности, которым позавидует любой супергерой из комикса... Лёня тряхнул головой, прогоняя захлестнувшее его восхищение. Мечтателей он ненавидел почти так же, как отца и брата. Особенно брата, который изменился в худшую сторону после того, как его мечту разбили.

Точнее, «убили». Так сказал Андрей, вернувшись как-то домой с потухшим взглядом и засевавшей губою на дне зрачков злостью. А на следующий день впервые пришел домой пьяным и по-новому «поиграл» с младшим братом. Еще не до синяков и ушибов, но уже тогда Лёня знал, что Андрей не остановится – слишком много в нем было жгучей обиды за потерянную возможность мечтать. Это случилось два года назад и с тех пор превратилось в привычку. Вредную и очень, очень болезненную.

– Оставь меня в покое, – зло бросил Лёня, отворачиваясь от Мечтателя.

В лицо ударил солнечный свет, прогрызший тучи насквозь, чтобы напоследок окатить город багрянцем. Закрыв заслезившиеся глаза ладонью, Лёня представил, как Мечтатель, впечатленный его дерзостью, молча исчезает, но раздавшиеся за спиной шаги говорили об обратном.

– Скоро станет холодно, – заметил назойливый незнакомец, садясь рядом. Жест под его весом жалобно взвизгнула, а затем загрохотала, когда парень перекинул ноги на другую сторону. – Простынешь.

Лёня убрал ладонь от лица и угрюмо посмотрел вниз.

– Какая тебе разница?

– Никакой, – со смешком отозвался Мечтатель и замолчал.

Несколько минут они сидели в полной тишине, провожая взглядом кровавое солнце. Прилетевший откуда-то ветер разогнал душную влажность, и Лёня почувствовал, как от мокрой спины к рукам и ногам расплзается дрожь. Действительно холодно – все-таки конец апреля, до настоящего тепла не меньше месяца.

Когда мрак, прочно обосновавшийся во дворе, добрался до крыши, Лёня не выдержал и обратился к Мечтателю:

– Как тебя зовут?

– Дикий. – Ответ последовал незамедлительно, словно парень только этого и ждал. – А тебя?

– Лёня.

Сказал и поморщился. Надо было назваться полным именем: Леонид в глазах окружающих выглядел мужественнее, чем домашний мальчик Лёня, похожий в своей прилипшей к телу футболке на потерявшегося щенка.

– И сколько тебе лет, Лёня? – спросил Дикий, перехватывая инициативу в разговоре.

В этот раз мальчик несколько секунд размышлял, как лучше ответить:

– Почти двенадцать, – и покосился на Мечтателя в ожидании насмешки.

Но тот лишь кивнул, принимая его слова к сведению. На этом разговор иссяк – Дикий, казалось, потерял интерес к собеседнику, а Лёня не мог придумать, о чем говорить с новым знакомым. Вечерняя прохлада понемногу превращалась в ночной холод, а двор внизу озарился светом рыжеватых фонарей. Тот, что освещал подъезд дома напротив, нервно мигал, иногда гас на несколько секунд, но, спохватившись, загорался снова. Жестяная обивка крыши под Лёней тихонько дребезжала – мальчика била крупная дрожь, но он стойчески терпел. Не хотел признавать, что Дикий оказался прав.

– Ладно, хватит мерзнуть. – Тот вдруг подскочил и за шкирку поднял Лёню в воздух.

Потеряв опору под ногами, мальчик на секунду решил, что его сбросили с крыши. В глазах фейерверками разлетелись цветные пятна фонарей и горящих окон, сердце налетело на ребра и, отскочив, забилося пойманным воробьем. Но не успел Лёня по-настоящему испугаться, как его щека прижалась к горячей, пахнущей травами коже.

– Держись крепче, – приказал Дикий и прыгнул.

Лёня обхватил руками его шею и зажмурился. Мелькнула мысль, что надо сопротивляться, пока его не утащили неизвестно куда, но быстро растворилась. Одно неловкое движение – и все закончится падением. Падать Лёня не хотел, поэтому

вцепился в Дикого мертвой хваткой, готовый до последнего держаться за жизнь. В ухах засвистел ветер, пытаясь выцарапать мальчика из надежных рук Мечтателя, сердце опять рванулось наружу, а в следующее мгновение Лёня почувствовал мягкий толчок. Не удержавшись, он распахнул глаза и огляделся.

Крыша, на которой сейчас стоял Дикий, почти не отличалась от той, где они сидели несколько минут назад. В один прыжок Мечтатель преодолел тридцать метров, отделяющих дом напротив, оттолкнулся и снова взмыл в воздух, чтобы переместиться на соседнюю многоэтажку. В этот раз Лёня не успел зажмуриться и теперь замер от переполнявших его восторга и страха – мир антенн и спутниковых тарелок проносился мимо с немыслимой скоростью. Еще два прыжка по пятьдесят метров каждый, и Дикий рухнул вниз, словно сорвавшийся в пике истребитель. За его спиной мелькали окна двадцатиэтажки; глаза Лёни защищало от этого мельтешения и бьющего в лицо ветра. Сердце уже не боялось – оно колотилось, разгоняя по телу адреналин и пьянящую радость. Он летал, летал!

Дикий приземлился мягко, словно спрыгнул с крыльца подъезда, а не крыши двадцатиэтажного дома. Лёня наконец-то понял, почему все так восхищаются Мечтателями, – они с легкостью обходили законы природы и могли наслаждаться полной свободой. Неудивительно, что Андрей так и не смог смириться с этой потерей. Но это не оправдывало его жестокости – Лёня понимал его чувства и в глубине души по-прежнему любил, но простить не мог. Боль в синяках, невыплаканные слезы и поселившийся в душе страх не позволяли.

Дикий промчался сквозь заросший лесопарк, петлял по узким улочкам частного сектора и выскочил на пустырь, за которым начиналась заброшенная стройка. Среди подростков это место называлось Котлованом – именно здесь по вечерам собирались Мечтатели со всего города. Взрослые о стройке давно забыли, словно ее никогда и не было. Скорее всего, не обошлось без чьих-то сверхспособностей.

Лёня был здесь впервые. Сначала Андрей был против, считая, что брат слишком мал для знакомства с миром Мечтателей, а после «убийства» пропало желание с ним знакомиться. Почему-то Лёне казалось, что Мечтателями становятся те, у кого жизнь легка и беспроблемна. От скуки они мечтают о всяких глупостях, а потом носятся по городу, соревнуясь, чьи способности круче. А такие, как Лёня, несчастные и забытые, загнанные в угол се-

мейными обстоятельствами, могут только смотреть на них из своих углов и завидовать.

Дикий перепрыгнул через высокий бетонный забор, прячущий Котлован от посторонних глаз, и поставил Лёню на ноги. На растерянного мальчика тут же обрушились громкие голоса, смех и музыка: территория стройки больше напоминала ночной клуб, чем заброшенные развалины. Повсюду горели фонари и гирлянды, в небо уходили танцующие лучи прожекторов, по периметру гудели колонки всевозможных форм и размеров. Не меньше сотни подростков сидели, стояли и бродили вокруг залитой бетоном квадратной ямы – того самого Котлована глубиной метров десять. Лёня попытался прикинуть расстояние от одного края ямы до другого. Навскидку выходило, что около полусотни метров, а может, и того больше. Сумерки, расцвеченные танцующими огоньками, не давали определить точнее.

На противоположной стороне Котлована возвышался подсвеченный неонам скелет недостроенного здания – то ли торгового центра, то ли очередной высотки. Из бетонных плит торчали куски арматуры, на которых были развешены плакаты с рисунками – эмблемами команд, в которые объединялись Мечтатели. Между столбами последнего этажа натянули огромное полотно с оскаленной медвежьей мордой. Его подсвечивали с обратной стороны, отчего казалось, что разъяренный зверь озирает окрестности, высматривая жертву, и угрожающе взрывается.

Дикий, проследив за взглядом Лёни, хлопнул его по плечу и наклонился к уху, чтобы не перекрикивать музыку:

– Это наш. Группировка «Грязные гризли»: загрязем любого! Сильнейшие в «Фантазиуме».

Наверное, это было показателем крутости. Лёня не разбирался в мире Мечтателей, поэтому просто кивнул, не придумав достойного ответа. Но Дикому, кажется, ответ и не был нужен.

– Идем в Башню, там музыка не так долбит, – командовал он.

Схватив Лёню за руку, Дикий потащил его сквозь пеструю шумную толпу. Мальчик с раздражением взглядывался в беспечные лица и ненавидел это место. Слишком ярко, слишком громко, слишком весело. Бесконечный праздник, на который не приглашают неудачников вроде него. Что он здесь забыл? Зачем позволил случайному знакомому притащить себя в логово тех, кого Лёня ненавидит больше всего? Царящая вокруг радостная суета вгрызалась в душу и впрыскивала в нее яд отчаяния: слишком уж разительно отличался яркий Котлован от глухой беспросветной серости, ждущей его дома.

У здания-скелета Дикий подхватил Лёню на руки и без видимых усилий запрыгнул на предпоследний этаж. Ближайшие к Котловану комнаты обозначались лишь бетонными столбами и частоколом ржавой арматуры, но дальше появлялись стены-плиты, превращавшие скелет в настоящий дом. Вслед за Диким Лёня, попавшийся на крючок детского любопытства, пробрался мимо строительного мусора, который почему-то никто не убирал, и ахнул, зайдя в следующее помещение.

Вместо бетонной коробки с провалами дверей и окон его окружила уютная атмосфера теплого, обустроенного с любовью зала. Выкрашенные светлой краской стены, заставленные техникой столы, несколько диванов, кресла и стулья – и десяток незнакомых Лёне Мечтателей, что-то оживленно обсуждавших у огромного, на всю стену, экрана.

– Впечатляет, правда? – подмигнул Дикий, довольный реакцией гостя. – Башня полна сюрпризов. Это только снаружи она выглядит как развалина. – Затем набрал в грудь побольше воздуха и громогласно объявил: – Знакомьтесь, народ, это Лёня, мой новый приятель.

Подростки, толпившиеся у экрана, замолчали и обернулись. Среди них Лёня все-таки разглядел знакомое лицо – Олеся, бывшая одноклассница брата, иногда заглядывала к ним в гости, когда тот еще был Мечтателем. Ее покров мальчик видел впервые: светлые волосы собраны в огромную гульку на затылке, на лице яркий макияж с кровавыми губами и жирными стрелками, а из одежды лишь танцевальный купальник с алой балетной пачкой. На мгновение Лёне показалось, что на полупрозрачном фатине искрятся капли крови, но он сразу отменил эту мысль. В его голове балет и кровь никак не вязались друг с другом.

Олеся тоже узнала Лёню и радостно кинулась обниматься.

– Сто лет тебя не видела! – заявила она, прижимая мальчика к груди, обтянутой тонкой тканью. – Как вырос! А чего мокрый такой? Под дождем гулял?

Лёня не успевал и слова вставить в ее бойкую тираду. У Олеси рот почти не закрывался, поэтому общаться с ней могли лишь те, кто предпочитал слушать, а не говорить.

– Эй, Хот, – окликнула она одного из Мечтателей на пару лет младше себя. На вид ему было лет четырнадцать, и он без особого энтузиазма махнул Лёне рукой. – Можешь высушить мелкого? Он дрожит весь, даже зубы стучат. Слышишь?

Хот помотал головой, но просьбу Олеси выполнил. Подошел к Лёне, направил на него раскрытую

ладонь, и мальчика окатило волной горячего воздуха. Через несколько секунд его одежда и волосы высохли, а засевший глубоко в теле холод сменился приятным теплом.

– Спасибо, – пробормотал Лёня, и Хот криво улыбнулся:

– Не самая полезная в бою способность. Но в быту помогает.

– Да ладно тебе прибедняться, – хмыкнул Дикий ероша Хоту волосы. – Ты просто не умеешь пользоваться своим покровом. Сколько раз говорил – попроси Снежную, она тебе объяснит принцип.

Хот начал оправдываться, но Олеся уже оттащила Лёню в угол и, усадив в кресло, принесла ему чашку с чаем.

– Пей, а то Гранд мне башку открутит, что позволила тебе заболеть, – приказала она. Затем почти без паузы продолжила: – Как у него дела? С учебой справляется? Все еще с Каткой встречается? Передавай ему привет, пусть приходит в гости...

Лёня не сразу сообразил, кто такой Гранд. Лишь после упоминания Катки – первой девушки Андрея, с которой тот расстался сразу после «убийства» мечты, – до него дошло, что это «мечтательское» имя брата.

– Андрей не придет, – перебил Лёню Олеся.

Та замолчала на полуслове и непонимающе склонила голову набок.

– Почему?

Лёня оторвал взгляд от чашки и с ненавистью посмотрел на Олеся:

– Вы «убили» его мечту. Думаешь, после этого он захочет с вами общаться?

Сам того не желая, он повысил голос. В комнате стало тихо, и теперь все смотрели на Лёню, а он – на подругу брата, ошеломленную его словами. Она открывала и снова закрывала рот, но в кои-то веки не могла найти, что сказать.

– Чью мечту мы убили?

Лёня повернулся к Дикому, который, судя по всему, услышал только конец их разговора. Тот, насупившись, буравил мальчика взглядом и почему-то напомнил ему медведя – того самого, с эмблемы «Грязных гризли». Казалось, одно неосторожное слово – и Мечтатель, оскалившись, бросится на Лёню, чтобы разодрать в клочья.

Но Лёня не дрогнул. Выдержал взгляд и процедил:

– Моего брата Андрея.

– Гранда, – пояснила Олеся, и ее тихий голос мало напоминал привычную трескотню.

Дикий насупился еще сильнее.

– Мы его не убивали. Он сам виноват – спровоцировал Корса на дуэль и проиграл. Я предупреждал его, но твой брат тот еще упрямый придурок, за что и поплатился.

– Вы могли спасти его! – закричал Лёня и, подскочив с кресла, расплескал на себя чай. – Но ничего не сделали! Просто позволили разбить его мечту! Оставили его ни с чем!

Брат никогда не делился с ним своими переживаниями, но Лёня и так знал, что его мучает. Пустота внутри – там, где раньше была мечта. И предательство со стороны тех, кому он доверял как самому себе. Они должны были вмешаться, остановить дуэль, защитить, спасти, сохранить! Они должны были!..

Никто не оправдывался. «Грязные гризли» молчали, отводя глаза. Знали, что виноваты. Не в том, что не спасли, – в том, что бросили, сделали вид, что это их не касается, и оставили бывшего друга гнить заживо без возможности вернуть потерянное.

Лёня поставил чашку на ближайший стол.

– Я хочу домой, – тихо произнес он, и Дикий кивнул: – Лебедь тебя отнесет.

Олеся, повинувшись его приказу, подошла к Лёне и протянула руку. Тот, не скрывая отвращения, принял протянутую ладонь, и его тело словно избавилось от силы тяжести. Лёня приподнялся над полом и завис в невесомости.

– Не бойся, это временный эффект, – поспешно пояснила девушка. – Главное, не отпускай мою руку.

Она вышла из комнаты, и Лёня полетел за ней, как привязанный. Прощаться он не стал – слишком злился на Дикого и его друзей. Подойдя к краю внешней комнаты, Олеся приподнялась на цыпочки и с силой оттолкнулась ногами от пола, словно делала танцевальное па. Их невесомые тела подхватил невидимый ветер и понес прочь от Котлована и Мечтателей.

Город проплывал далеко внизу, сияя разноцветными огнями, но Лёне было все равно. Открывшиеся виды не радовали, а вызывали раздражение. Ведь брат обладал всем этим – и потерял только потому, что никто за него не заступился! И это называется друзья..

Олеся приземлилась на крыльцо его подъезда и убрала руку. Тяжесть собственного веса, от которой Лёня успел отвыкнуть, упала на плечи, и мальчику понадобилось несколько минут, чтобы освоиться.

– Прости за то, что случилось с твоим братом, – тихо пробормотала Олеся, обняв Лёню на прощание.

Тот грубо оттолкнул девушку и зыркнул исподлобья:

– Лучше скажи это ему.

Не прощаясь, он скрылся в подъезде.

2.

Лёня не знал, сколько времени провел сначала на крыше, а затем в Котловане, поэтому в квартиру постарался проскользнуть бесшумно. Ему никогда не запрещали гулять допоздна – всем было плевать, чем он занимается. Возможно, никто даже не заметил бы, не вернись Лёня однажды домой вовсе.

Тёмный коридор встретил мальчика запахом пота, грязных носков и прокисшего борща. Где-то вдалеке журчал телевизор, на кухне мать мыла посуду. Привычная рутина накрыла с головой, смывая остатки впечатлений от полёта над городом, и теперь казалось, что знакомство с Диким и другими Мечтателями Лёне просто приснилось.

Дверь с тихим щелчком закрылась за спиной, отрезая пути к отступлению. Бесконечный мир возможностей растворился, ограниченный квартирной клеткой, и Лёня в который раз убедился, что ему никогда и ни за что не стать Мечтателем – свободным, веселым, беспечным. Он никогда не убежит от своего личного ада.

Он скинул кроссовки и прокрался к двери, ведающей в единственную комнату. Приоткрыл ее, заглянул внутрь и первым делом нащупал взглядом часы: десять вечера, время детское, как сказал бы Андрей.

Кстати, об Андрее. Лёня прислушался, но с кухни не доносился хриловатый смех Леночки, нынешней подружки-на-неделю, а смеялась она всегда, даже если ничего смешного в разговоре не было. Похоже, сегодняшнюю ночь брат решил провести вне дома. По телу пробежала волна облегчения – значит, можно не опасаться «игр», после которых к старым синьякам добавятся новые.

Уже не скрываясь, Лёня вошел в комнату и, не обращая внимания на уставившегося в телевизор отца, направился к своей кровати. Она стояла в дальнем углу, возле балконной двери, и больше напоминала заваленную мусором кучу – на выцветшем покрывале вперемешку громоздились учебники, игрушки, потрепанные тетради, мятые футболки и джинсы, фантики, фломастеры и даже грязные тарелки. Несколько секунд Лёня раздумывал, куда деть это добро, затем привычно сгреб все в охапку и переложил на подоконник. Раньше там стояли цветы – сами растения давно засохли, но цветочные горшки, как над-

гробные плиты, хранили память о погибших. А потом Андрей разбил их все. Кажется, это произошло на следующий день после «убийства», когда брат еще не смирился с произошедшим. Лёня потом больше месяца спал на комах ссохшейся земли, пока мама не решила сменить постельное белье.

В животе заурчало. Лёня запоздало вспомнил, что с обеда ничего не ел, поэтому поспешил на кухню. Надеялся застать мать – она, подобно волшебнику, могла приготовить ужин из ничего.

Повезло. Столкнувшись с ней в дверном проеме, Лёня несколько виновато произнес:

– Мам, я хочу есть.

Та тяжело вздохнула, но ничего не сказала. Развернулась и снова побрела на кухню, в которой проводила большую часть свободного (свободного ли?) времени. Лёня ужом проскользнул следом и уселся на кривую табуретку в дальнем углу. Отсюда проглядывался вход и часть коридора, поэтому можно было заметить приближение опасности заранее и приготовиться к удару.

Нападения со спины Лёня никак не ожидал. Кухонное окно выходило на двойной балкон, протянувшийся от комнаты до кухни, но его редко открывали – разошедшиеся рамы неохотно двигались с места, уверенные, что сквозь щели между ними и так проникает достаточно воздуха. Но в этот раз окно жалобно скрипнуло, поддаваясь, и чья-то рука, схватив Лёню за шкуру, вытащила его на балкон.

В лицо пахнуло несвежим дыханием, сигаретами и кислым пивом. Андрей был дома – просто вышел покурить, не стесняясь отца и матери. Леночки Лёня не увидел, но легче от этого не стало, ведь часто подружки брата заступались за младшего, когда начинались «игры». Большинству из этих девиц не чужда была жалость.

– Пусти! – прохрипел Лёня, барахтаясь на бетонном полу.

Андрей лишь крепче сжал пальцы на его шее. Смерил брата многообещающим взглядом, а затем резко наклонился и шумно втянул воздух носом. Мгновение спустя его лицо исказилось от злобы.

– От тебя воняет Котлованом, – прошипел Андрей, вдавливая брата в пол. – Ты был там.

Он не спрашивал. Он знал – знал наверняка, потому что сам неоднократно приносил домой этот терпкий запах свободы и праздника. О том, что Котлован пахнет так не всегда, Лёня еще не знал, а Андрей не рассказывал.

– Кто? – требовательно спросил старший брат, нависая над младшим.

Тот сразу понял, о чем речь.

– Дикий.

Андрей на несколько секунд закрыл глаза. Его холодные пальцы больно впивались в шею Лёни, сквозь ткань футболки мальчик чувствовал каждую крошку на грязном полу, и по телу снова расплзлась дрожь – от холода, голода и страха. Это уже не «игры», где можно обойтись синяками. Склонившийся над Лёней брат больше не прикрывал ненависть баловством, он действительно был настолько зол, что запросто мог сломать ему что-нибудь.

– Дикий, сука, – процедил Андрей сквозь зубы. – Вечно лезет куда не просят.

Затем медленно открыл глаза и, приподняв Лёню, снова уронил его на пол. Лопатки больно ударились о холодный бетон, страх комом забил горло, не давая сделать вдох.

Андрей наклонился к брату вплотную и зло выдохнул в ухо:

– Если узнаю, что ты водишься с этими тварями, урю. Сломаю ноги и выкину с балкона, и пусть твои новые дружки превращают тебя в Мечтателя, раз тебе так не терпится!

Лёня испуганно заскулил. Угрозам брата он верил безоговорочно, особенно сейчас, когда его пальцы стискивали шею, а вторая рука, сжавшись в кулак, зависла над лицом.

– Андрей! – закричала мать, перегибаясь через распахнутое окно и хватая старшего сына за плечо. – Прекрати немедленно! Ты его убьешь!

Ее панический крик разнесся по ночному двору и запутался в проводах. Лёня затравленно смотрел в перекошенное лицо брата и ждал развязки. Отпустит или ударит? А может, нарушив обещание, сразу выбросит с балкона?

– Ты меня понял? – спросил Андрей, не реагируя на крики матери.

Лёня медленно кивнул, и стальная хватка на шее разжалась. Андрей поднялся на ноги и брезгливо вытер ладони о джинсы. Пнул брата напоследок в ногу, прямо в синяк, и бросил:

– Пошел вон, маменькин сынок.

Лёня залез через окно обратно на кухню, засадив десяток заноз в ладони, и без энтузиазма взялся за ложку. Есть больше не хотелось. Мать причитала, ругая Андрея, но так тихо, чтобы в комнате никто не услышал. Боялась, что и ей достанется от потерявшего всякий стыд сына, хотя он никогда не поднимал руку ни на кого, кроме брата.

– Спасибо, я наелся, – пробормотал Лёня, отставляя почти полную тарелку.

Не раздеваясь, он забрался в кровать и попытался уснуть под бубнеж телевизора. Перед глазами

не кулаками, а открытой ладонью, но от этого было лишь унижительнее.

На крик прибежала мама. Лёня, потерявший ориентацию в пространстве, услышал ее перепуганный голос:

– Андрей! Хватит! Пожалуйста, остановись!

Затем звучный удар и мамин всхлип, от которого тело пронзило ледяной вспышкой. Неужели Андрей поднял руку на мать? Не может быть...

– Не вмешивайся. Он заслужил. Я его предупреждал! Предупреждал, чтобы не связывался с этими выродками из Котлована, а он на следующий же день побегал к ним! Ты что, не понимаешь, что они с ним сделают? То же, что со мной! Нет, даже хуже! Они... они... превратят его в монстра! Бросят в яму! И будут натравливать на всех, кто им не нравится, а потом смотреть, как его мечту разбивают, рвут на части, сжигают заживо! Они «убьют» его!

Андрей кричал, мать сдавленно рыдала, а Лёня с ужасом смотрел в потолок, терявшийся в коридорном полумраке, и пытался придумать выход. Извиниться? Попытаться что-то объяснить? Сбежать? Или молча смириться с происходящим в надежде, что брат побьет его и успокоится?

– Что тут у вас происходит? – разнесся над головами зычный, но немного невнятный вопрос.

Шум, устроенный Андреем, совершил невозможное – заставил отца оторваться от телевизора. На лицо Лёни упал свет, вырвавшийся из комнаты, и от этого тусклого желтого луча внутри загорелась отчаянная вера в то, что теперь-то все наладится. Отцу не все равно! Он вмешается, поставит Андрея на место, успокоит мать и поднимет Лёню с грязного пола. Глава семьи наконец-то выполнит свой долг и сделает их семью семьей.

Отец оглядел царящий в коридоре кавардак, на секунду задержал взгляд на рыдающей матери и с раздражением выругался.

– Устроили здесь черт знает что! – рявкнул он, возвращаясь в комнату, к телевизору. – Из-за вас ни хрена не слышно! Хотите выяснять отношения – валите на улицу, а мне завтра на работу, не даете отдохнуть человеку...

Дверь за отцом закрылась, а вместе с этим в Лёне что-то сломалось. Он не столько услышал, сколько почувствовал глухой треск между ключицами, словно кто-то наступил на сухую ветку. Лёня закусил губу, чтобы сдержаться всхлип, и закрыл глаза. Почему? Почему все это происходит именно с ним? Чем он заслужил такое отношение? Почему отцу все равно, что Андрей избивает Лёню и мать? Почему

мать не может хоть раз в жизни принять волевое решение и уйти от отца, которому все равно? Почему брат, его любимый, веселый, неунывающий брат превратился в жалкого труса, вымещающего собственную боль на Лёне? Почему он должен жить в такой «семье»? В чем он, Лёня, виноват и перед кем? Он ведь просто хотел... хотел... хотел...

– Я просто хочу исчезнуть, – прошептал Лёня, и по левому виску потек колючий ручеек. – Я так устал от всего этого... Я так устал...

– Ты устал? – переспросил Андрей. – Ты, сопляк, устал? От чего? От того, что у тебя вся жизнь впереди? Что тебя ждут Мечтатели? Что Дикий ради тебя жопу рвет? От этого ты устал, да?

Мать, по-прежнему рыдая, причитала:

– Андрей, пожалуйста... Пожалуйста... хватит... Андрей...

Безысходность ситуации давила Лёне на грудь, забивалась в горло, царапала грудь изнутри. Сколько еще раз он будет беспомощно лежать на грязном полу и ждать, что кому-нибудь станет не все равно? Когда уже кто-нибудь придет и заберет его из этого ада? Где этот чертов выход, который всегда есть?

– С меня хватит.

Лёня открыл глаза и посмотрел на Андрея. Тот, оскалившись подобно символу «Грязных гризли», прорычал:

– Нет, это с меня хватит! Думаешь, раз с Мечтателями подружился, теперь брат тебе не указ? Я тебя научу, сопляк! Я тебе покажу, что с тобой сделают в Котловане!..

Он замахнулся, но рука, сжатая в кулак, прошла сквозь Лёню, не причинив ему никакого вреда. Мать, испуганно вскрикнув, обмякла – от увиденного ее сознание не выдержало.

– Пробудился, значит? – пробормотал Андрей, растерянно глядя на брата. На его лице отразилась смесь зависти и гордости. – Можешь сказать мне спасибо. Ты теперь Мечтатель, как и хотел.

Боль отступила. Мокрые носки в промокших насквозь кроссовках больше не липли к ступням, живот перестал урчать, а в груди вместо давления прочно обосновалась пьянящая легкость. Лёня еще не до конца понимал, что именно с ним произошло, но чувствовал, что теперь все будет иначе. Он больше не позволит издеваться над собой. Он наконец-то обрел силу, чтобы сбежать из клетки семейных обстоятельств.

– Я могу сказать тебе только одно: оставь меня в покое, – тихо ответил Лёня, поднимаясь с пола. Вместо мятой, грязной школьной формы и куртки

на нем были просторная футболка и широкие штаны. Белая ткань, казалось, излучала мягкое свечение. С худых рук исчезли все шрамы и царапины, синяки на шее, боку и ноге больше не ныли. Босые ступни не чувствовали холода. Тело наполняла легкость, словно его снова взяла за руку Олеся, хотя, конечно, бывшая подруга брата была ни при чем. Желая убедиться в своих предположениях, Лёня протянул руку к стене, и та, не встречая сопротивления, погрузилась в выцветшие обои.

Андрей скептически хмыкнул.

– Ты теперь что, призрак? Думаешь, это спасет тебя от проблем? – Он привалился спиной к входной двери и с ненавистью посмотрел на брата. – Покров ничего не изменит. «Фантазиум» уничтожит тебя, и Дикий будет первым, кто вцепится тебе в глотку.

Лёня повернулся к нему и вздохнул:

– Может, хватит уже? Достал со своим Диким. Я не собираюсь вступать в ряды Мечтателей и с кем-то драться. Я не ты.

Не дожидаясь ответа Андрея, он прошел сквозь него и входную дверь. Лестничная площадка, к счастью, оказалась пуста, иначе вполне можно было довести кого-то до сердечного приступа – не каждый день сквозь двери проходят мальчики в белых одеждах. Лёня улыбнулся этой мысли и, оттолкнувшись, перелетел лестничный пролет. Как будто действительно стал невесомым призраком.

Через минуту он уже стоял на крыше и смотрел вдаль. Вдоль линии горизонта едва заметно розовела полоска умирающего заката, а воздух над городом дрожал от потоков искусственного света. Налетевший на Лёню ветер растрепал волосы и убежал дальше, оставив после себя горьковатый запах жженой резины.

– Привет, приятель.

Лёня обернулся. Дикий сидел на козырьке и улыбался, но мальчику показалось, что в этой улыбке слишком много от звериного оскала. Желтые глаза оценивающе пробежались по покрову Лёни и прищурились.

– Поздравляю. Теперь ты один из нас.

Лёня улыбнулся – мягко и печально – и покачал головой:

– Нет, Дикий. Я не один из вас. Я сам по себе, поэтому, пожалуйста, оставь меня в покое.

Тот непонимающе нахмурился и одним прыжком оказался рядом.

– Ты не можешь...

– Могу, – перебил его Лёня. – Я теперь все могу. Поэтому буду делать только то, что хочу, а я хочу,

чтобы от меня все отстали. – Он пристально посмотрел на Мечтателя и повторил: – Все без исключения.

Дикий хмыкнул, но спорить не стал. Бросив наполеоновский предостерегающий взгляд, он исчез, и Лёня остался один.

– Наконец-то, – прошептал он и вдохнул полной грудью. – Наконец-то они все исчезли.

Именно об этом Лёня и мечтал.

